

СМЕНА

№ 5
МАРТ
1943г.

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ • ИЗД-ВО "ПРАВДА"

Николай Ильин — сталинградский снайпер

Н. Наумов

Рис. Е. Ракина.

Николай Ильин, осторожно выглядывая из блиндажа, следил за снайперскими окопками. Немцы не появлялись. Тогда снайпер перебрел гонза на село. Там ему был знаком каждый дом, каждый переулок. Ильин вырос здесь, у железной дороги, по которой во все концы страны мчались поезда, груженные углем. Здесь он познал труд. Война застала его на пути. Ильин был железнодорожником. Чисто немцы дыми не уходил от дома: стране нужен был уголь, а уголь величье оружие...

— Зло берет, товарищ лейтенант! — сказал Ильин, останавливаясь в темном блиндаже, — злое село рядом...

Лейтенант пожималось кивнул головой и стал собираться в путь. Едва он вышел из блиндажа, как послышался знакомый свист пули, будто удар хлыста.

Выстрел поднял на ноги бойцов. Они кинулись к выходу. Ильин опередил всех и увидел на смену раненого лейтенанта.

— Назвал! — предостерег лейтенант бойца. И впрямь: засветила себя одна пуля. Стрелял фашистский снайпер.

Лейтенант сам приполз обратно в блиндаж. Николай, Ильин, Илья галдуко. Это опитный воин. А то он много перебрёл, — сказал лейтенант, тяжело дыша.

Ильин коротко ответа есть! и снова устроился у амбразуры, положив около себя луповку. Прошло несколько минут. Но, как ни выжидал Ильин свое зренье, он ничего не видел. Пожрежнему околу немецких окопов было бездельно.

Тогда снайпер решил действовать «на живца». Одна бочка вылезла на луповку жакку и через дверь блиндажа высунул её наружу. Немец оказался хитрым, не выдал себя. Ильин это сплонул.

Тем временем лейтенанту переказали раун. Он сказал, что успеет заметить, откуда в него стрелял фашист. Бойцы помогли лейтенанту подняться к амбразуре, а он показал Ильину окоп немецкого стрелка.

Ильин так внимательно следил в даль, что даже подлезал вперед. Над бруствером окопа, чуть засаженным снегом, с трудом различался тоненькая фигура немецкого персона. Задача была разрешена. Поймав цель в перископ, немца из мгновию повалил над поверхностью и стрелял.

Теперь, когда лотова врага было установлено точно, нужно было действовать осторожно. Ильин забыл на окоп винтовку и стал ждать. Трудно рассказать, что такое терпение снайпера! Три часа Ильин пролежал в одном положении, не спуская глаз с фашистского окопа. Немцы не появлялись. Это было, наверное, опитный снайпер.

Лейтенант стал чувствовать себя хуже. Надо было отпрать его в санчасть.

— Товарищ Ильин! — сказал лейтенант, — пусть да бойца поведут меня, а вы следите за немцем. Я уверен, что если он не ушел, вы увидите его опередит.

Ильин кивнул головой и нахмурился. Он знал, что стоит ему промазавь или заподозрять на десятую долю секунды, — фашистский снайпер уберёт его товарищей.

Наступила решительная минута. Да бочка осторожно вывела лейтенанта из блиндажа. Ильин прыгнул к винтовке. Маленькие, глубоко спящие глаза его выжили в опитный перископ. Перекрестившись золотистые жемчужины на перископе фашиста. Указательный палец правой руки касался спускового крючка.

Перископ вдруг ожал, стал вращаться, затем остановился и медленно ушел вниз. Ильин замер: Вот из окопа приползла немец, вскинул винтовку...

Из блиндажа грянул выстрел. Ильин не опоздал! Его пуля угодила немцу прямо в лоб. Фашистский снайпер отпнулся назад и сполз в окоп.

Случай, рассказанный выше, произошел ещё зимой первого памятного года войны, когда Николай Ильин только начинал своё опасное и поистине дело. А в 1942 году он открыл счёт четвертой сотне истреблённых немцев и русских. Их трупы лежат в приовласских степях. Это работа гвардии старшины Николая Ильина, дело его твёрдых рук, его внимательного маленького глаза, его слабой винтовки имени Героя Советского Союза Хусеина Андрухаева. А двести убитых им только под Сталинградом немцев порожены в одно и то же место, в сердце.

Ильин приобрёл опыт не на курсах и не в степных окопах. В двадцать лет он стал ветераном войны, научился на поле боя великому искусству снайпера. И учась сам, он учил своих товарищей добывать патрон к патрону, учил стрелять так, чтобы не было на одного дня без убитого фрица, чтобы на одного немца тратилось не больше одной пули. Ученики на Ильина — Горюхино и Лана — уже имеют на своём счету по сотне убитых немцев. Учил он довольно своеобразно: берёт с собой на передний край и на живую мишень отмечает их ошибки и удачи.

Наступление

Лейтенант Пётр Батраченко

...И час настал.

Во мраке предзакрассета.

На миг окрестил бранные поля,

Взлетела к звездам, трепеща, ракета —

Взметнулся к небу мерзлая земля.

Орудий наших огненные жала

Простерлись в ночь... Какой почётный

Метал в запад сотни тонн металла

Сто восемьдесят радостных минут!

Бойцы, как эфир, стремительно летели,

Были четырёхрядными штками.

Выскакивали в паннике из щелей

И падали пронзёнными враги.

Неотумоленное желанье мещены

Горит в груди у каждого бойца.

...Так началось наше наступление,

И мы его продолжим до конца.

Николай Ильин, обычно разговорливый по-русски, в беседе со словами дружным обязательно переходит на украинский язык. И это значит: не великая ли туга Ильина и Ланы на Украину, не думал ли он о родных и близком, поминал ли фашистское зло, навмывал так точно в цель пули из их снайперских луповок?

За время войны Ильин досконально изучил психологию врага.

Немец труслив и нахален, знает это. Трусливого немца поймав на мушку труднее: он не вылезает из-за прикрытие. Поэтому так же Ильин уничтожал во взаимодействии с миномётчиками. Разрывы мины выгоняют фашистов из блиндажей и окопов, а в это время снайпер только посевая подстрелять их. Не один раз, охотясь за «трусливыми фришами», Ильин испытывал действие наших самолётов, которых так боится немца.

«Нахальных фришев» снайпер истребил великое множество. Там, где Ильин пролежал в своей засаде день, фашисты несколько дней уже не вылезают из своих щелей. Часто истреблённых Ильиным за день фашистов в среднем составляет шесть—восемь голов. Он так и называет свой боевой дневник «шестой убитый гол», Вот выдержка из этого дневника:

«Начинаю шедлою охоты. Первый день. Сразил 7 фашистов. Один «жукунурился» наместник своим — и меня и моего напарника. Часом ночью болел вылезти из окопа, так вылезл за «малой нуждой» на рассвете — и получил мою пулю.

Второй день. Налетели наши самолёты. Фрицы, как взнуженные зайцы, забегали по полю. «Мишеньки» было много. Уложил десятых.

Третий день. Сегодня делался на славу: 12 фрицев попортались кс небесами и землёй.

Четвёртый день. После вчерашней охоты фрицы стали осторожннее, из окопов не вылезали. Пришлось сменить позицию, и тогда наши миномётчики открыли огонь, колдарадула себя перепуганных «малышамкиных».

Пятый день. Шесть убит, одного ранил — жалко: пуля провала почти даром.

Шестой день. «Виходило» день для фрицев: я в стрелял.

Во вечерах, вернувшись с охоты, акуратный Ильин делал поучу, своего замысла в дневнике. Но попросту его подобно рассказать о себе, о секретех своего ремесла. Он или смутится или опитунится:

Лучше немцев бить, чем доказывать право.

Не так давно награду старшины Ильин получил первую заветную награду, Им его не сходит со страниц красноармейских газет, потому что он продолжает свой грозный счёт, истребляя немцев.

Действующая армия.

На обложке репродукция ленинградского стенда выставки «Комсомол в Отечественной войне»

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 3 март 1943 г.

Год издания XX • Издательство «Правда»

ТОТ ИСТИННО ХРАБР, КТО ПОВИНУЕТСЯ

«Война есть война, она требует железной дисциплины», — так сказал великий Ленин. Об этом мы ни на минуту не должны забывать. От дисциплины, порядка, организованности нашего фронта и нашего тыла зависит сейчас самое дорогое — судьба родины. Без дисциплины нет армии. Без дисциплины нет победы.

Война изменила облик советского молодого человека: он стал более подтянутым, тонким, исполнительным. Юноша в тылу научился работать по-военному, преисполненным чувства гражданского долга. У всех нас теперь одна цель — разгромить немцев. И эта возвышенная цель требует единства и железной дисциплины.

Дисциплина — это прежде всего повиновение воле командира, начальника, старшего. Бесмертный слова Кутузова: «Не тот истинно храбр, кто по призыву своему мечется в опасности, а тот, кто повинуется». Повиновение бойца срывает успех боя. Неповиновение командира старшему начальнику ведет к поражению.

Только та армия сильна, где приказ командира — закон. Поэтому каждый молодой боец должен глубоко понять, что «нет у него иной жизненной цели, как борьба с врагом, нет для него другого закона, кроме приказа командира» (Калинин). Поэтому каждый молодой боец должен беспрекословно следовать воле своего командира, устами которого приказывает родина.

Так поступали деды и прадеды наши. Мы обязаны хранить эту благородную традицию русского солдата — быстро и точно выполнять приказ своего командира. Ни вражеская карточка, ни раны, ни самая угроза смерти не могли помешать русскому солдату идти в атаку, если его командир приказал: «Вперед!»

«Наш приказ — всей России наказ», — говорили солдаты в станицу.

Когда Суворов перед штурмом крепости Измаил, обходя солдатские бивачи, спросил у своих прадедов: «Как быть? Приказ есть, чтобы крепость взять. А рвы глубокие, валы высокие...», ему ответил старейшина: «О чем? Прикажете — пойдем! Вперед!»

— Приказ есть приказ. Прикажете — пойдем! Вперед! крепость брать — и войдем!

Эту же фразу повторил Ватругин, когда у него спросили, возможна ли землянина кампания на Аляскинском острове. «Прикажете — пойдем!» — ответил он.

Мы вспоминаем эти примеры потому, что в них особенно ярко проявились величие русского солдата, его преданность долгу, его беспрекословное повиновение командиру.

Об этих примерах ещё и ещё раз вспоминаешь, когда узнаешь о подвигах советских бойцов, оставшихся до последнего дыхания верными своему долгу, выполняющих приказ командира даже ценой собственной жизни.

«Шестнадцать артиллеристов-комсомольцев батареи лейтенанта Оганова получили приказ во то бы то ни стало удерживать важный рубеж. Пятьдесят немецких танков штурмовало комсомольское подразделение, по числу из молодых артиллеристов не отсутная. Когда в живых остался только один — Федор Вальс, — он со связкой гранат в руках бросился под танк и взорвал его.

Дисциплина — это точность. Её особенно требует сложный механизм современной войны. Теперь, когда основой военной тактики стала смелая манёвр, малейшее отклонение от приказа может испортить весь план операции. Маневрирование требует точного расчёта. А для точного расчёта необходима желез-

В НОМЕРЕ: ПЕРЕДОВАЯ — Тот истинно храбр, кто повинуется. Ч. НАУМОВ — Николай Иланк — старший лейтенант снайпер. П. БАТРАЧЕНКО — Наступление (стихи). Я. КОСТЮКОВСКИЙ — Твои герои. К. ОСИПОВ — Четырехдольный асс. А. ЛАПТЕВ — Дорога наступления (из альбома художника). ЛЕНИНГРАД ЖИВЕТ, ЛЕНИНГРАД БОРЕТСЯ, ЛЕНИНГРАД ПОБЕЖДАЕТ (фотожурнал С. Стрельникова). МОСКВА — СМЕНЕ: Г. РЕКУН — О строителе. В. ИГБЕР — Звезда над миром (стихи). С. ВЕЙНБЕРГЕР — Домна смерти. С. ГУДЗЕНКО — Мои друзья (стихи). Ф. СПИВАК — Вот они, артиллеристы! М. ШОШЕНКО — Москва — мужская команда. ЗАМЕТКИ О КНИЖАХ: М. ОСИПОВ — Буйная война.

ная дисциплина. Это лютуческая цепь, не допускающая никаких отклонений.

Современный бой предполагает взаимодействие всех родов войск. Представьте себе, что будет, если авиация опоздает на десять минут со штурмовой пролеткой, а танки взорвутся не подготавливая к тому, чтобы вступить в бой! Атака в этом случае закончится. Опять же: взаимодействие требует безусловной точности, а значит, и дисциплины.

Приведём пример. Бойцы командира Рубаева готовились к атаке. Авиация в установленный час бомбила артиллерийские позиции врага, наша артиллерия обрушилась на огневые точки переднего края немцев. Бойцы Рубаева должны были в это время подойти на двести метров к полосе разрывов своих снарядов, чтобы вселая в разрывы атаковать. Но кое-кто из красноармейцев замешкался — и пехота опоздала на пятнадцать минут. Враг успел снова изготовиться к бою. Атака нашего подразделеня сорвалась. Плана операции, рассчитанный на точность, был нарушен маленькой группой недисциплинированных бойцов.

В воспитании дисциплины нет мелочей. Здесь всё важно: и внешний вид молодого бойца; и то, как он отдаёт приветствие; и то, как молодой рабочий следит за своим рабочим местом; и то, как он выполняет приказ своего мастера. Здесь в малом надо видеть большое — будущее поведение воина на поле боя и будущую производительность труда молодого рабочего.

К сожалению, эта забубенная истина усвоена ещё не всеми. Есть командиры, которые, отдавая задание бойцу за истинное выполнение приказа, не обращают внимания на спортивный вид бойца. И есть начальники пехоты, дающие только о выполнении плана и проходящие мимо захваченного рабочего места подрастают. Этим расхолаживается дисциплина.

А вот другой пример.

Во время наступления Красной Армии на Северном Кавказе одно наше подразделение заняло к вечеру село. Вой был жаркий, и бойцы устали. Они расслабились по тому что захваченному селу и никакой ратушной приям в местных колхозниках. Командир «пожалел» своих бойцов, подразделение не занялось подготовкой к круговой обороне, как этого требовала устава. Ночью немцы пытались вернуть потерянные позиции. Спадать им это не удалось, но дорого обошлась командире его «середобальство».

Выгодность, расхлябанность — преступление на войне. И только суровая дисциплина может их предотвратить. Она горжимо оправдана, эта суровость! Известный русский военный деятель Драгомыров ещё говорил: «На всякой военной службе должен быть отпечаток той справедливой суровости, которая закаляет душу и тело».

Суровая воинская дисциплина побеждает в бою. Этой дисциплины требует от армии наш Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин.

Дисциплина рождает доблесть. Фундамент величайшей победы под Сталинградом был заложен воинами армии генерала Чуйкова, не отступившими ни на шаг без приказа. Дисциплина приносит с собой стойкость и веру в свои силы.

«Война многому научила, не только того, кто лоды стравил, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина», — так говорил Ленин.

Мы хотим победить врага, и мы его победим. Мы подчиняемся железному порядку — первооснове победы. И не страх, а высокое сознание долга руководит нами.

Будем же крепить дисциплину!

Твои героини

Як. Костюковский

Эти строки — о верности. О верности слову, долгу, дружбе. О верности до последнего биения сердца. О верности героини.

В одиозном городе на Белой реке выросла Наташа Кошова.

Она родилась в двадцатом году. Её воспитывала бабушка — женщина большого аристократ, перенесшая в семидесятом году смерть четырёх воюющих — сыновей и мужа. Это их кровь текла в жилах Наташи.

На шестой канне детских воспоминаний запомнилась: бабушка с большим альбомом у огня, а на коленях у неё она, Наташа.

Это твой лес, Красный. А это — дядя. Смотри, Ната.

Ей было четыре года. Она уже неохотно отвечала на непрерывный вопрос взрослых: «Кого ты больше любишь: маму или бабу?» Она уже читала скупившемуся голоском стихи о крокодиле, который ходил по улице.

А вдалекой тульской деревне Наршилово друлетья босоногая девушка Наташа Полновозова тогда ещё только училась говорить.

Они жили потом в Москве и не видели друг друга. Будни этих лет — классные коматы, отметки в журналы и Ковшова продолжала учиться в школе. Невскокая кружная Ната стала стройной девушкой, серьёзной, чуть строгой, но никогда безудержно весёлой. Она увлекалась гимнастикой, была даже членом совета спортивного общества. Когда Наташа пошла в университет, раскрасневшаяся, спорит до хрипота с товарищами:

«Понимаете, так нельзя! Не по-комсомольски».

Это — уже становление характера. В восьмом классе её ослепдела романтика войны. Из далёкой Испании радио доносило герою боты, и Наташа часто склонялась над картой фронта. Это — любимой герой этих дней — Лиана Олена. Наташа училась военному делу, и была у неё мечта о полдвиге, быть может, о славе. Первой в классе она с гордостью шадела на грудь оборонные значки. «Смотрите, ребята: теперь четыре значка! И ведь она стала инструктором стрелкового спорта».

И всё это делалось молча, неслышно, но с какой-то удивительной настойчивостью.

Наташу выбрали в комсомольский комитет. Как было тайно сообщено, ребята волновались: пройдёт ли наша Ната? Ира Розована то и дело бегала к комитете, где заседала оценочная комиссия. Наконец вернулась и вымалывала:

Мы никогда не забудем их, Герои Советского Союза — Натану Кошовую и Марию Полновозову.

— Наташа, прощай!

Шесть тысяч девятьсот сороковой год. Девятый класс, мечта и споры о профессиях, о будущем, грусть первой любви. Юноши готовятся стать бойцами: скоро война, Наташа носит по школе, организуя вечерний вечер для наших мужиков. В пятубочной тайне, сообща, девушки ищут «драматиков». Вот, кажется, уже всё сделано — и вдруг выясняется, что нет лесни. Только перед самым началом вечера появляется Наташа, весело машет зонтиком:

— Готово! Будем петь на мотив «Тучи над городом встали»:

«Что-то вдруг грустными стали
Девушки в классе у нас» —

Эта робота сказали, и Наташа сказала, что покидают наш класс...»

Июль, терпкий запах августейшей липы. Заканчивая школу, друзья разъехались. Наташа, одна в классе: «Прощай, девятый!» «А! Вот здесь сидела Лёвушка, там, у доски!» «Ира». Залес началось и закончилось летство. Завтра — это уже работа, зомжор как табельный доске, новые радости и новые друзья.

Она согласилась с доводами родных. Нина Дмитриевна, мать, посоветовала: «Не спиши, Ната, в свой авиационный институт. Тебе ещё велики учиться издалю. А времени терять даром не хотелось. Она пошла работать в «Органипром»: всё-таки поближе к самолётам».

Залес и начинается рассказ. В этом учреждении, со странным названием — «Органипром» — встретилась Миша и Ната. Встретились, чтобы не расставаться до самого безразмерного конца.

Полновозова уже целый год работала в тресте. Натане она сразу понравилась. Какой-то силой внутреннего толчка Наташа узнала в ней будущего своего друга. «Она вся мягкая такая, светленькая», — рассказывала Наташа дома матери. И, ещё не подружившись с Мишей, уже ревновала её ко всем.

Она быстро нашла дорогу к сердцу Миши. Она увидела: за внешней крепостью подруги скрывались воля и настойчивость. И полюбила Мишу ещё сильнее.

Полновозова не хотела отставать от подруги. «И теперь по вечерам в восьмом классе занимаюсь», — адруг как-то объявила она. И добила: «Ты, Ната, ведь десять закончила, а я только восемь».

Они стали видеться реже. Потом — совсем редко. Наташа поступила на курсы по подготовке в институт. Втретее успевали только переберостись несколькими словами. И обе с нетерпением ждали воскресенья. Они третеев друг у друга клялись, как дети: «Значит, Миш, навсегда! Да?»

Картотекина Кошова стала сначала секретарем, потом инспектором по кадрам треста. Её выбрали секретарём комсомольской организации, членом пленума райкома. Завидовала ли Миша успехам подруги? Кажется, да. Но Миша и радовалась им.

Иногда девушки соросились по телефону. После горячих споров и оскв высказанных обид наступала пауза, и казалось, уже невозможно начать прерывни разговор. Товарищи морщились безразличия тогда в высочайшей лоб Миши, она говорила убежденно: «Понимаешь, Ната, мы не можем сороситься...»

И этого было достаточно, чтобы Наташа согласилась с подругой:

Эти мимолетные сорсы были очень редкими. В последний раз — светлым августским вечером сорок первого года — девушки поспорили, как им казалось, всерьёз.

Через два дня их помирала война.

Они встретились, чтобы сейчас же, сию минуту, пойти в райком. Требувание их было коротко и просто: на фронт! Наташа потравила перед секретарём удостоверения и заявление. Едва замолкала подруга, начинала говорить Миша. Когда обе утомлялись, секретарь казал прост: «Война, девушки, — это не играшка. Война — это кровь. Надо подумать».

Ничего не добились в райкоме, девушки ушли.

Миша успокоилась первой. Она стала поощрять занятия тулельского кружка, поощрять училась в вечерней школе. Ната продолжала бешувать, писать заявления, спорила с кем-то и грозила сбесать на фронт. «Я сорок август в пятнадцать выйду», — жаловалась она подруге, — «и сижу в Москве. А немцы уже на Украине».

Мера примирения была неожиданно найдена в кабинете секретаря райкома комсомола, куда сиюва — в который раз! — пришла подруги.

— Вот что, — сказал секретарь, — пошлем вас, девушки, на курсы снайперов. Тогда определится поезде на фронт.

С этим они могли было согласиться.

11 июля, август, сентябрь сорок первого года. Первая горяч отлучения, тревожные дни, бессонные ночи. Какой нестерпимой болью отразился в сердце Наташи какакий город, пленничность, её нелюбовность? Она стала раздражительной, резкой. И только Ната знала, что был июном, о смерти которого пришла короткая весть с войны, что он совсем недавно писал Мише чуть нильным и нильным письмом.

Так пришла ненависть. Ненависть через горе.

Враг приближался к Москве. Спешным огнём пылало Подмосковье. Девушки задышали от беспоконных дней эвакуации родных, от тревожных гудков, от беспоконных дней. У неё ничто не рывало: ни лучшие результаты учебных стрельб на курсах, ни торжественное обещание командира не увозить их, девушек, из Москвы. Миша ходила по бесконечным Якиминским и Садовым дорогам так, без цели, сорорявая в незаметные переделки. И когда дошла до Белорусского вокзала и увидела, как строят баррикаду, пошла даже: нет, не коней!

— Она заетала Нату дома, возбужденной, радостной.

— Я случайно в театр попал,— застала Наташа, едва увидев подругу.— Там бойцов много. Они из Сибири приехали, здоровые, как будто сидят прямо в ящиках, а подруги боятся. Когда явились, аллюдировать, ногами стучат. В ящиках не очень плохо получается, так они встают и откидываются сделанными ящиками. Потом танцевали. «Мы,— говорят,— с театра пришли сейчас на фронт!» Нет, она Москву не отдала! Прида, Мама?

— Она осталась на секунду и вдруг вспомнила: — Да, самое главное. Запрет, а утра, в район пошла. Мы все лежали в батальоне Командирского района. Уходили на фронт. Поименно, Мама, на фронт.

И от радости, которой было тесно в груди, она бросилась к Маши. схватила её за руки и закричала среди коматы.

— Пятнадцатого октября на Грубой позиции, где собирались коммунистический батальон Командирского района, командир сказал девушкам: — Выходите на строк: маленькие очень.

— Они замечала, потому, что разговор окончен. Кто-то из брата стоявших бойцов оказал сопротивление:

— Ничего не попишем — война. Война... Это — такое дело. И потом вы женщины.

— Неужели женщины? — отреагировала Наташа. — Как это вы все замечаете?

Наташа подошла к командиру. «Сейчас — или никогда» — сказала herself. Мама стояла рядом, грустная, решительная, и это привлекло Натю уверенность. Она сказала:

— Вы же можете права нас оставить. Мы окончили спайкерские курсы, были в лагере. Наконец, мы отличились.

— Спайпер? — обернулся командир. — Да ну? Он ещё раз пристально посмотрел на девушек, на маленькие уши Наташи, на длинные, детские губы Маши, и сказал решительно:

— Нет.

Натрасно девушкам грозили райкомом и военкомом, доказывая им то и снова пролили. Командир был неуловим. И только к вечеру, когда бойцов отпустили, хотели уйти, за них вступился коммунист, и они были оставлены в батальоне.

Девушки надели шинели. В своих шинельных на страницах «15 октября», Наташа написала несколько строк, отчаявшись, хотела уйти, за них вступился коммунист, и они были оставлены в батальоне.

Через неделю — 22 октября — когда серый рассвет вставал над городом, коммунистический батальон принял присягу. «Я, гражданин Советского Союза, — гудит — гудит — гудит — гудит» — Наташа присягала: «Я, гражданка, — гудит — гудит — гудит — гудит» — она была уже бойцом, у неё сложилась вечером её замечание, девушка ответила:

— Ладно. Поедем на фронт, тогда увидите: гражданин или гражданин.

И Маши с трепетом узнала в этом строю, подтянутых бойцов эпоху Натю.

Батальон не сразу вступил в бой. Бойцам надо было раньше познать науку войны. Они строили рубящие обороны, учились стрелять, ходить по ящикам, Машинку у неё казалась загадочной, слово «рекогносцировка» уже произносилось без заминки. И все с нетерпением ждала приказа.

За девушками прочно утвердилось имя «наши малышки». Теперь, когда Ната ановобликая в сорочке и штанах по проходу шла на свету, звали «малышкой», Машинку у неё казалась загадочной, слово «рекогносцировка» уже произносилось без заминки. И все с нетерпением ждала приказа.

— Кома, как не «малышка», челомком в таком деле быти? Она ещё ходит не умеет.

А Маши с деткой руки одного развешивала называли «швейцарская» была даже девушка: «У Маши не губы, а швейцарский сад». Над девушками подтрунивали, но любил их горно.

Натю казалась странным: где-то рядом идут бой, друг шит за швейцарским садом. Маши объясняла ей:

— Они все за Москву голоду свою сложить готовы, думают о ней постоянно. Только тревогу они в себе заносят. А с пугливой им диче жить.

Будни приходили в утробе и ополдания. Правда о восторжении был получено только с первыми вестями о начале разгрома немцев под Москвой. «Эх, без нас обильнее» — вздыхали бойцы.

До фронта было ещё далеко. У Болотского сияла стояла. Девушки стреляли — уныл — все ещё по мышцам. Но теперь уже оставались. Если ширеть, то из жизни мне, что я и жила ты инеишь. Сейчас мне особенно не хочется быть ширеть, как это было последние время. Хочется снова подружить себя с классом, хотя бы по почте! Велю им сейчас раскидать по всему Союзу, и, подумай, как было бы хорошо знать о себе каждого из нас, получить весточки от наших и обо всем. А потом, пожалуй, собрать всем вместе до 26 ноября, когда, кстати, прочесть эти письма, вспомнить о школе, о боях и, наконец, подумать о будущем и настоящем, о новой жизни, о большом труде, который ждёт нас по окончании войны.

С дорог Наташа отправляла одной из школьных подруг письмо:

«Дорогая Дилана! Случайно узнала твой адрес и вот пишу. Как ты живёшь? Как настроение? Я живу хорошо, настроенье отличное. Очень хочется узнать что-нибудь о наших ребятах. Не пишешь ли тебе кто-нибудь? Если пишешь, то я знаю мне, что я и жила ты инеишь. Сейчас мне особенно не хочется быть ширеть, как это было последние время. Хочется снова подружить себя с классом, хотя бы по почте! Велю им сейчас раскидать по всему Союзу, и, подумай, как было бы хорошо знать о себе каждого из нас, получить весточки от наших и обо всем. А потом, пожалуй, собрать всем вместе до 26 ноября, когда, кстати, прочесть эти письма, вспомнить о школе, о боях и, наконец, подумать о будущем и настоящем, о новой жизни, о большом труде, который ждёт нас по окончании войны.

Мне хочется уже сейчас поговорить о дне встречи. Потому что, кто знает, смогу ли я ещё навзять тебе?

Так вот: разве из традиций делье после окончания войны, в четыре часа дня, как все должны собираться в парк Спартанский бульвар, д. 5, кв. 8, тел. К 0-69-72), или в театр, или у Лёвки (почтовый адрес не знаю: тел. К 0-52-20), или у Иры Розоной.

То, что не сможет приехать к сестре, пусть подумает писемко по дому из этих адресов. Таким образом, я думаю, мы сумеем собраться в любом случае, один из адресов будет существовать; хоюин же время, здоровья и дома.

Не знаю, может быть, тебе это понравится дичим, но я думаю, что в этой войне мне не уютно. Мнея призывали 15 октября 1941 года, и я загадала, что если меня не увозит до 26 ноября не исполнится 21 год, сегодня уже 12 декабря, а я ещё жива и здорова. Ино, что мне и дальше будет жить же жести. Ну, а если что-нибудь, — так лицом зря не помыкает.

Наши, пожалуй, поскорее. Очень хочется получить от тебя весточки, но мне адрес наш не изменился. Будешь писать ребята, передавай привет от меня. Я на Волоколамском направлении. Сейчас возможности здесь значительно уменьшились, но я иду в наступление, а дальше будет ещё диче.

Ну, целую тебе крепко. Наташа.

Куда это письмо было получено в Москве, девушка уже вступила в бой. Девушки были из состава по сорок-пятидесяткам, и Наташа с радостью видела, как её руки замахивали немцев. Вот упал один, широко замахнул руками в ружьё, назвав другой. Маши шептала: «Стреляй, Ната, честное слово, стреляй». Ната была почти без промаха. За шесть дней они истребили тридцать девять немцев. Оказали бой боевыми выдержки.

Но ощущение первого боя, тревожное и цепкое чувство страха ещё не ушло.

Маши проделала ещё одним декабристом утром, когда, заступившись из-за боты, вдруг увидел финистского снайпера, целившегося прямо в неё. На минуту дрогнула рука, но девушка выстрелила первой и не промахивалась. И пока она думала, как выстрелила немца, тот уже лежал — и пока вломился наконец: «Ну, конечно, он похож на мышку «файншт № 3» — если успеть ранить другой немецкий снайпер — шпарник убьёт.

Ранения, она осталась в батальоне. Как можно было избежать, Ната, будучи студенткой, на глазах которой она впервые увидела слёзы Маши приходили бойцы: «Ну, что подольше, чисти-

мёный сад?» Когда командир послал к Маше ординара с патронами, ординар вернулся и счастливо доложил:

— Там уже и так два есть.

У Наташи без подруги дела шли плохо. Она часами лежала в обезлюевшем маскировочном халате на снегу, но была неинтересна и возвращалась в дом. Голово своего аппарата не убавля, потому что, когда разговор касался машинного ранило, он не выходил ничего лучшего, как цитировать английскую поговорку:

«Преображение маскировочной — тяжёлая болезнь храбрости».

От этих умных речей становилось ещё тоскливее.

Как-то Наташу, вернувшись с «котлет», амвали на командный пункт дивизии «Дело сержантов», — предупредил сержант. Большого от него Наташа узнала не смогла. Должно быть, он и сам ничего не знал.

— Что здесь, произошло? — заборманила она на пылящего бойца, солдата человека, стоящего с грустной одолжностью у бумажки колмаца.

— Савь с одной частью потерла. Послалли уже трёх — никто не вернулся. Немцы всю дорогу прогреветали. Теперь, наверно, добродолично пойдёт.

Но девушка уже не слышала его. Она не шла — летела к командиру: «Я пойду, я...»

— Идите, — сказал командир.

Под ураганим огнём, под разрывами воющих мин Ната проделала четыре километра. Свиль была вынуждена. Ништо не здал, как от немечинго страха замарало сердце Наташи, как пели муш и какала на них казалась последняя.

Две Маши она не рассказывала об этом. Батальон отдели на отдых, и девушки часто поживались в эти дни у железной печи, вспоминая московских друзей. Маши постепенно поправилась, окрепла. Третье войско стреляла, чтобы не отстать от Наташи.

А Ната уже стала запятым снайпером: точным, хитрым, расчётливым. «Вот вам, францы, весточки!» Девушка, выстрелив, совсем забыла слово в замешкавшегося немца. С ней советовались как с бывалым солдатом. Она привалила это как должное, и пристане к той женщине — доктор спайкерских наук, пожалуй, даже — ластаю её.

Батальон снова двинулся на запад. Стрельбищам ударом она вышла на Иной Русси, занял город. «Ещё один батальон может овладеть Иной Руссой, то это батальон героев» — сказал тогда генерал Косоватов. Командир батальона не выдал об этой фразе. Она уже снова несла в бой, неутомимая, яркая, озлобленная одним видом успешнейших человеческих побед.

Первые дни войны размыли дороги наступления. У замаскированных стволор орудий ругались артиллеристы, танки застрелили в войсковой боеготовности немца. Третье войско захватило немцев, аса и поздравил воинов дружины. В атаку их не пустили. Они помогали санитарам, занимались с учениками. В тёмной сети, когда немцы бросались в контратаку, девушки сласла осматривали, выжидали, ждали, ждали. Они же и это всё, что запомнилось в быстро протекавшем апреле...

Май начал «войну без событий». Фронт стабилизировался, комитетницы закрепились на дюном рубежах — наступила праздничная уличная снайперов. Девушки, как всегда, совсем забыли о том, что существуют горючие шаш, постель в землянке, отдых. Особым Маши, она была описана боям. Палали немцы — и она издала какой-то приглушённый торжествующий крик. Ната держала её сердце за руки: «Заметьте».

Но одважик Наташу тяжело ранили. Она пыталась в Москву: «Врачи говорят, что лучше ехать, чем жить месечем. Но это не медичина! А я считаю, что о меня хватит пятнадцати дней». И, к радости Маши, она действительно

Четырежды асс

К. Осипов

обсуждали до госпиталя, чтобы долечиваться в родном батальоне. Как говорят, дома и семья помогают.

И слова ассыды, охота на зверя, короткие бои...

* * *

Жаркий июльский день. Девушки сидят в шезлонгах на веранде старой, заброшенной дачи. Только что прочитано в газете простое письмо русской девушки из Кёльна, Мохамма. Еще расширил широкая спиригата Дьерь, испущающая почта...

— Идем, Ната...

— Куда, Машенька?

— К комиссару. Пусть проведет политгруппировку. А потом соберу тех, кто это все поймет, и на передовку. Сегодня у меня немки в Кельне полднут...

Она ушла в тот день в восемь финштых солдат. Она была тогда в десятке мажорских из вражеского переднего края. Чуть не дозорилась на нем, порвала о проволоку гимнастерку.

Восемь и сто двадцать шесть. Да, она уже ушла сто тридцать четыре немца. Наташа еще больше: сто шестьдесят семь. Их унесло в боях они учили бесстрашно, прадирожно, истребили около трехсот немцев. Уже за асси фронте о них говорили: «Наши Ната и Маша». В один день их приняли в партию, в один день вручили орден Красной звезды.

Уже германши они встречали смерть.

Утро не предвещало беды. Пришли поздравить бойцов из Сибиря. Нате досталось широкое волютеши, на котором было вышито: «Заше бои убойся, убойся и будь бодр, дорогой ассибои Маша!» и внизу: «Вашу, волюте...

— Маша, Маша, смотри, вышка какая! — теревбиа Наташа подругу.

Но лебу медленно плыли белые как дым облака. Стояла густая туманная август; полу-разрушенные избы да тиривенные холмы рсали на холмы. Только вечером туман прервал минотёрный шаг.

Немцы яростно бросились в атаку. Их обрсыли — они снова атаковали, теперь уже в самую убойное место, на стаче шашки взорудовели. Десерт прикисала сюда вместе с командиром, и прямо к ходу, почти не прицеливаясь, сделала Маша первый выстрел.

Потом немцы ударили слева, и горсточка бойцов, задевшихazole копы сна, свалылась отрезной от своих. Пули дохлились соседям рядом. Командир сказал хрипло: «Спокойно...»; и тут только все замечали, что он ранен в голову. Через минуту Маша вскричала: «Спокойно!» Командир был мёртв.

Она несколько раз довила себя на мысли, что это уже было раньше: сейчас немцы отхлынули, надо еще немского продолжать, совсем немского... Но где Натка? Да, от она здесь... А это, кажется, Новиков, Павел... Ох, жуть, если Натка и Натка. И больше ничего...

Наташа стреляла. На каждый окрик: «Рус, сдавайся!» Это было так просто: стрелять на голос. Потом спросила:

— Маша, у тебя есть гранаты?

— Две.

— И у меня две... Ты только встряхни их.

Разумею, они лежали неподвижно. Маша позвонила, как зюз: «Только встряхни... И еще раз, когда совсем приблизилась немцы: «Только встряхни...»

И земля потряс взрыв двух последых гранат.

Ступала сумерки. Ветер стремительно умчался. Копы сна, точно ишпенная из серого камня, стояла матитником в ночи.

Так умерли твои героини, черноты! Бессмертие принадлежит им.

★ ★ ★

Биография славного сталинского сокола Бориса Фроловича Сафонова до войны можно угадать и несколько строчек... Родился в тысячу девятьсот пятидесятом году в селе Сивашине, Тульской области, в семье рабочего-механика. Инициалы: ФФУ. Потом — пламенный шовик, легкое звание Особавиама, куда комсомольская организация командировала молодого убойца.

В восемнадцатилет лет Сафонов — уже полковник. В двадцатипяти, поступив добровольцем в ряды Красной Армии, он становится военным летчиком. Через лет непрерывной работы над собой сделал из Сафонова первоклассника высшего.

О войне Сафонов знает непереносимо, сама ли не с детских лет он топила в небе и, когда грянула первая аэрия в июне 1941 года, повзвизгивая в виду с него, и, когда грянула первая аэрия, Сафонов спокойно сел за штурвал. Из всей своей самолета он вывел две надписи: «За родину» и «Смерть фашистам!»

1

...Шел третий день войны. Эскадрилья немецких самолетов атаковала наши корабли, стоявшие в одном из северных портов. Путь им преградила стена заградительного огня зенитных орудий. Фашисты пустились в ауток. Морские самолеты, как осли, тяжёлый бомбардировщик, или на брешюм полете над самой водой, скрылся от огня зениток. Кааодось, враг уже ушёл, был в безопасности, кааодось, надперерз фашисту вылетел советский истребитель.

На глазах моряков, зативших дыхание от напряжения, размылся короткий воздушный бой «Хейнкель» уже с дальней дистанции открыл огонь из всех пулеметов. Яросток не отменял, бесстрашно шел на обложение. Вот между машинами осталось десять метров... Потом ст... Иисусный, едва замечный маневр — и истребок «сплит» на хвосте у своего противника. Раздаётся стремительная дульная атака. Фашистский самолет со срезаными пелуха хвоста падает в залив. Моряки восторженно аплодируют герою-истребителю.

Это был первый воздушный бой Сафонова. Первая победа!

Спустя несколько дней зенно Сафонова обнаружилось над морем. Из горничное показались немцы приближающихся немецких бомбардировщиков. Сафонове было меньше, но они бесстрашно врградили путь врагу. В это бою командир снова был вражеский самолет.

А дальше потекли боевые будни. Вылеты по тревоге для отражения неперстных налетов вражеской авиации, сопровождение бомбардировщиков в тылы противника, разведка над морем, прикрытые предоступающих кораблей с воздуха и боя бои... За первые два месяца войны эскадрилья капитана

Сафонова совершила пятьсот вылетов! По восемь, десять вылетов в день!

Ни одно задание не провалилось без личного участия капитана Сафонова. Он сам провёл сто тридцать боевых вылетов, участвовал в тридцати двух воздушных боях. Одинадцать машин, помеченных знаком свастики, числились тогда на его личном счету.

Всего эскадрилья сбива за два месяца двадцать фашистских самолетов, потеряв лишь пять немецких аэрия. Это соотношение ставит его более показательным, если учесть, что против молодых, безвестных летчиков были брошены лучшие нововки аэрия, немецкие железные кресты за Варшаву, Лондон, Париж. Но наши летчики были советские люди, которые няде, ни перед кем не отступили; их всё в бой человек с мужеством дала, один из иекунейших летчиков нашего времени.

«Капитан Сафонов всегда и всюду впереди, личным примером показывая, как нужно быть старативником», — было написано в наградном листе Б. Ф. Сафонова, полуженного летчиком ордена Отечественной войны Красной Армии, первого ордена героя.

II

О каждом дне этих первых двух месяцев войны можно написать целую повесть, настолько они наполнены захватывающими событиями...

Черной августовской ночью немцы предприняли крупный налет на наш аэропорт. Сафонов во главе эскадрильи истребителей подлетел навстречу нечаянным гостям. Вихрей он ворвался в строй немецких бомбардировщиков, растерял его и, отделив воздушный «концерт», просто налет на него. Облетавший навстречу пятидесятилетний опытный летчик. Лишь свиста обухнулся на машину Сафонова. Сафонов искусно маневрировал, совершая

Дорога наступления

Художник А. Дантеа много дней провёл на фронте, вместе с наступающими частями Красной Армии. Он видел ослепительные светящиеся города, горящие дома, парившие надобавные немецкие танки, парившие надобавные немецкие танки, встречал по пути бесколесные вереницы пленных немцев, ружья, итальянцы, танующих на митингах.

Художник наблюдал в дождливый вечер убитых авиадвигателей-гидроаэропланов, приземлившихся в Бельгии, видел итальянских мушкетеров, запертых в каменные сани, таких необычных на фоне обычного русского пейзажа. Всё это он заносил в свой пейзажный альбом.

В этом альбоме мы печатаем серию фронтальных рисунков художника.

★ ★ ★

голоокружительные фигуры. Улучил момент, он зашёл в хвост «конюсеру» и дал несколько пулемётных очередей почти в упор. Рыка не изменила мастерству меткого огня. Огромный бомбардировщик вскинулся и, пылая, свалился на острые скалы.

Гибель флагмана деморализовала фашистов. Они повернули обратно, преследуемые советскими лётчиками. Велика была бойцовская волевыми сокращениями, изловивших подползком своего командира. В эту ночь сафоновцы обили 13 немецких бомбардировщиков.

В другой раз девятка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» в сопровождении шести «мессершмиттов» сделала попытку высесть наземные силы Красной Армии. Пятёрка сафоновских истребителей перемалала их. Тройное численное превосходство врага не сдержало пикажников. Они вступили в оборонную атаку. Фашисты замечались. Этого момента боя они никогда не перенесли. Они предпочитали вести огонь с дальней дистанции, используя выгоду численного перевеса. Когда красновские истребители подобно ревущему урагану устремились на «мессершмиттов», те, не приняв боя, ушли в сторону. Бомбардировщики остались без прикрытия.

В воздухе разыгралась не совсем обычное сражение, прекрасно иллюстрирующее трудную задачу истребителей. Фашистские истребители, ходившие группой в стороне, словно по стороннему наблюдатели, могли видеть, как vanno лётчики сбивают «конюсеров» один за другим. А домыслить в те минуты было на что? Командир дивизии Сафонов первым атаковал один из бомбардировщиков и после короткой, ожесточённой пулемётной дуэли уничтожил его. Остальные лётчики атаковали истребителя врага. Каждый сбив в этом бою по одному бомбардировщику. На счету лётчиков Покровского, Самовенко, Мисковича и Коваленко прибавилось по две единицы.

Когда истребители превозмужали на своём зародке, то даже видневшийся им командир показал голубое небо самолёты были изрезаны пулями. Особенно пострадал сафоновский истребитель.

Уже гремела по стране слава о сафоновском ударе, о красновском истребителе с надписью на борту «за родину», во общей боевой сети эскадрилья вылетала медленно. Капитан Сафонов понял свою ошибку. Идя в атаку, он сбивал обо всех на свете. Сафонов не смотрел как дерутся его патроны, не видел их ошибки. Он нёл индивидуальную бой, целиком поглощённый своим противником.

Суровым уроком для командира являлась гибель одного из членов экипажа эскадрильи, пилота Антипина. Во время воздушного боя пилот Антипина был атакован старшим лейтенантом Сафоновым и другие лётчики, занятые каждый своим противником, не заметили, что их товарищ попал в тяжёлое положение, не приходящее к концу боя. Антипин погиб. И хотя общий баланс потерь в этом бою был в пользу сафоновцев, эскадрилья приземлилась с тяжёлым чувством. В тот же вечер на борти Сафонов с горечью говорил о допущенной ошибке.

— Жизнь нашего лётчика нельзя посчитать и десятком вражеских жённей,— завыв он.— Надо беречь друг друга.

Это был переломный момент в биографии героя. Остальные сафоновцы стали думать об о же, охраняя Сафоновых друг друга. И первый пример вырвался в бою показал сам капитан, спасая жизнь своему выученику Максимиану, попавшему в тяжёлое положение.

Сафоновцы быстро перешли наставления своего командира, и когда в другом бою в тяжёлом положении попал лётчик Покровский, то выучив его Максимиан. В последующий полёт таранит вражескую машину, удерживаясь одному из истребителей, хотя патрон у него давно кончился.

III

Боем Сафонов продолжал верить чудеса. В сентябре 1941 года семь истребителей до гле же со своим командиром атаковали крупное соединение немецких бомбардировщиков и истребителей, шедших на бомбежку истребительного объекта. Красновский самолёт с такой бурной решимостью и бесстрашием ударила по фашистам, что те растерялись, дрогнули. Сафоновцы то скрывались в облаках, то вылетали оттуда, сметаясь проносась среди «конюсеров» и «мессершмиттов». Осмысливая врага гредом пилы, они снова исчезали в облаках.

Битвами, вероятно, показалось, что на них летели десятки советских самолётов. Они овладели планкой. Сбросив бомбы над территориями, занятой их же войсками, они обратились в беспорядочное бегство. Пятёрка до самолёты бежали от семи смельчачков. Впрочем, убавили всего сорок восемь. Четыре были сбиты сафоновцами. Они осли чувствовали себя, как рыба в воде, среди общей панники и делали своё дело.

Этим, однако, не ограничилось в тот день боевая страда. Ещё шедшие фашистских самолётов сбили пилоты эскадрильи. И лынная доля — три машины — пришлась на долю Сафоновца.

Три в один день! Нужно ли добавлять что-нибудь к этой цифре?

Надвигая асы, столь хворые, когда дело касалось бомбардировки беззащитных городов, внезапно уклонялись от боя с советскими истребителями. Даже германские командование вынуждено было признать беспорядочное превосходство советской авиации. Генерал Штумф, командовавший немецкими воздушными силами в Норвегии, дал специальный указание: «Избегать боя с советскими истребителями во всех случаях, когда на стороне немцев нет численного превосходства».

Но в итоге так не болится немцам, как Сафонову. Он делался любимой грозой для врага. А Сафонов всё чаще, возвращаясь из

полёта, на безмятный вопос ставшего механика Семеновца с улыбкой отсылал к земле большой палец: «Бой ещё далеко».

Коллективом объекте Сафоновым самолёт быстро росло. Пятёрка... Семизатка... Возмещатель... В первую мировую войну почётное звание аса давали лётчику, обшившему пять самолётов. Сафонов был четырёхкратный асом.

Весь Мурманск любил этого рослого, спокойного лётчика. «Иван Сафонов», — называли его в народе. Обладая высоким оп познанием у молодёжи. С затёганным дыханием слушали мурманские комсомольцы выступления Сафопова на антифашистской митинге, повторяли вслед за ним:

— Всеми силами будем драться с проклятым врагом!

Советское правительство по достоинству оценило подвиги Сафопова. К первому ордену прибавился второй. Тем боим орден Красного знамени торит на его груди. Сафонов присваивается звание Героя Советского Союза. Замечательный лётчик заслуженно получил высшую награду в стране. А вскоре к советским орденам на груди Сафопова прибавился значный англоамериканский орден Великобритании: большой серебряный крест. Вот как он получил этот орден.

Из Англии прибыли самолёты типа «харрикейн». Это были отличные машины. Перед нашими истребителями встала задача — урчит их в кратчайший срок, научиться управлять ими с тем же совершенством, с каким лётчики управляли советскими машинами.

Сафонов изучал «харрикейн» под руководством майора английской авиации Миллера. Севера курс изучения был пройден блестяще. По настоянию Сафопова Миллер устроил форменный экзамен, который советский лётчик выдержал блестяще. Пришла пора для практических занятий. Очень скоро Сафонов прозвезд на «харрикейне» весь комплекс фигур высшего пилотажа.

Сафонов стал первым советским пилотом, освоившим «харрикейн». Но прошло много времени, как Сафонов сам стал обучать советских авиаторов управлению английскими машинами. Под его искусным руководством наши лётчики быстро осваивали чужеземную машину.

Английское правительство, учтя большие заслуги Сафопова, наградило его и троим морских лётчиков — Туманова, Коваленко и Кухаренко — орденами.

Русские и англичане аплодировали Сафонову.

IV

Шли месяцы... Капитан Сафонов стал подполковником. Его назначили командиром 2-го гвардейского истребительного авиаполка. Но боем Феоктистовым не останавливались на достигнутом. С каждым месяцем он всё больше совершенствовал свои лётные качества. Воем существовал он «фантастично самолично» с одним взглядом определял ориентиры, мастерски стрелял по ним, проигрывая врагу. Никогда дюжия не полагает немцам укрываться от промозгого истребителя.

— Да он просто укрывоч нечет, еле хватать немца,— с уважением и пожелал, некоторым удивлением говорят лётчики.

— Так ведь мы бы не просто летели,— объяснял Сафонов, мы находили врага и находили его, для того чтобы вывести его смертельный удар.

В этих немногих словах заключена вся программа Сафопова. Найти врага — и уничтожить его!

В 1942 году, когда на личном счету Бориса Феоктистовича было шестьдесят сбитых немецких самолётов, подполковник Сафонову японцами вторично звание Героя Советского Союза. О сланном союзе и его союзников стал народ лететь веси.

ЛЕНИНГРАД ЖИВЁТ, ЛЕНИНГРАД

1

x

2

3

5

1. Фронтцы, Мирава сопровинила искусство. Иемпа парирекси разиринное артиллерийскими обстрелами прощальные памятники архитектуры. Сиряд пробил кулюну над асфальтами, узавизинции главный вход в Фронтцы.

2. Вот он, чудесный Невский проспект! Жизнь бьёт ключом.

3. Каждый вечер Ленинградцы посетили репертуар театры. Сегодня в постановке Академического театра драмы им. Пушкина идёт постановка «Реквизитус море париров».

4. Художник А. В. Серва диквизитует в мастерской споникую работу — «Последний натюрморт».

5. Когда вьет сирена, малышка ленинградцы своими искусствами в благоустраивающие убежища.

БОРЕТСЯ, ЛЕНИНГРАД, ПОБЕЖДАЕТ!

6

6. Внимание! К городу подкрадывается воздушный враг. Разведчик-наблюдатель И. Лопатин на боевом посту.

7. Это было одно из красивых ленинградских зданий. Развалины — вот что осталось от него. «Смерть детоубийцам!» — призывает плакат. Мы ничего не забудем. Мы стоим за твои рамы, великий город Ленина!

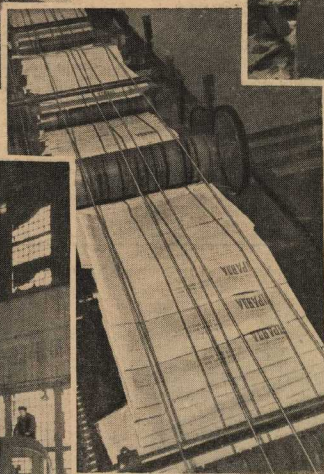
8. Фронт в дыму танка, пушки, минометы. «Беф, что требует фронт, — дай!» — отвечают рабочие Ленинграда.

9. Через несколько часов читатели получат свежий номер «Ленинградской правды».

10. Бессмертыя подвиги колхоза ленинградцев. Днём и ночью они охраняют свой любимый город. Ирина Андреева — командир пожарного взвода.

7

8

10*

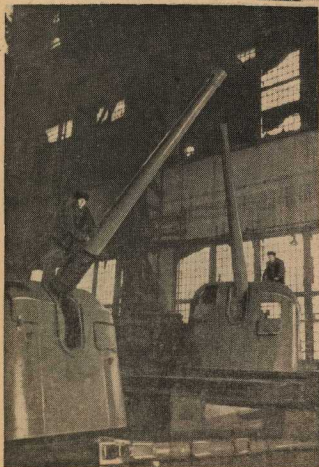

Фото
С. Струнинова

О СТРОГОСТИ

Батальонный комиссар Г. Рукви

Храбрость и мужество наших молодых бойцов признаны даже враги. Отличия у нас молодых, отважных, страстно преданных своей советской родине. О героизме, проявленном нашими юношами в сражениях, я мог бы рассказать многое: столько пришлось видеть мне за время войны и за долгие годы пограничной службы. Но в нас собирается множество комплексов, да наша молодёжь и не нуждается в них. Мне хочется сейчас поговорить о том, чего недостает нашему молодому поколению, о войсках, которые необходимы на войне и которые должно воспитать в нашей молодёжи.

Каждый из наших молодых бойцов знает, за что воеет и какие качества должны быть у советского бойца. В ответственные минуты он часто проявляет чудеса храбрости и бесстрашием слушается командира. Но есть вопросы, которые ныне почему-то считают второстепенными, «несущественными». И в этих «пустышках» будто бы случаям молодой боец подчас проявляет небрежность, снисходительность к себе и товарищам.

Тогда всплывает на свет одно дурное, характерное словечко: «Ладно», «Ладно» значит: «сгодится», «не важно», «что им придураться к лусткам». Очень нехорошее слово.

Радовой пример. Бойцу выдают мазь для смазки обуви. Но обувь остается несмазанной: ботики устали, он считает это неважным. Жёсткая обувь натерла ноги и превратил в пытку долгий переход. Появляется болезненность бойца. Из-за чего это произошло? Из-за расхлябанности, из-за этого самого «ладно», из-за несознательного, небрежного отношения к распорядку командира.

На этом хочется остановиться особо. Некоторые наши молодые бойцы, вообще-то прекрасное соотношение, что «приказ командира — закон», не считают преступлением «летучее отклонение от несущественного, по их мнению, распоряжения. Они думают, что когда дело дойдёт до серьёзных вещей, они, мол, проявят чудо дисциплинированности, а пока что... «ладно». Я не утверждаю, что это — общее явление, но мне приходится сталкиваться с этим.

Нужно сочетать высокую сознательность, являющуюся основой абсолютной дисциплинированности. У советского воина подчинение воле командира только тренирует и укрепляет его собственную волю.

К укреплению воли и должно быть направлено воспитание нашей молодёжи. Как бы ни был тяжёл приказ, какого напряжения ни требовало бы его выполнение, какие трудности ни приходилось бы при этом преодолевать, боец, всевоинчик, школьник должен уметь его выполнять. Этого должны требовать от себя они сами. К этому, со всей строгостью и требовательностью, должны приучать их командиры, комиссары, военный руководитель.

Дух нашей молодёжи высок, но воля её не всегда достаточно тренирована.

Молодой человек должен понять, что война — не школьная тетрадь, а которой ошибка может быть безболезненно исправлена: здесь за каждую ошлохность он отвечает кровью и жизнью.

Воспитывать молодёжь и обстановке, максимально приближённой к военной, приучать её к физическим трудностям, к ночным, утомительным переходам в любую погоду, к холоду, к лишениям, к преодолению неожиданных препятствий, — вот к чему следует стремиться в частях резерва и в тылу. Рука об руку с таким физическим воспитанием идёт моральная закалка.

Молодой человек приучается к постоянному чувству ответственности, и самоконтролю, и тому, что война требует непрерывной мобилизации внутренних сил и воли.

Нельзя послаблять, никакой снисходительности, никакой «сжалости»! Жалость на войне часто граничит с жестокостью. Иной «сжалостливый» командир превращает уставшим людям злая сила, когда им надо оккупаться. Приходит враг — давит спящих гусеницами своих танков.

Железную строгость к себе и к другим надо воспитывать в молодом командире. На минуты отдыха до тех пор, пока не сделано всё необходимое! Рой мёртвую землю, как бы ты ни устал: этим ты обеспечишь безопасность себя и товарищам! Подвижной бойцов среди морозной ночи, как бы ни был сладок и заслужен их сон, лучше они могут обморозить! Не бойся, что кто-то, по блузности, сочтёт тебя жестоким. Позднее он поймёт, что ты был прав.

Расхлябанность и мягкотелость не место в наших рядах. Разумную же и справедливую строгость мы должны воспитывать в молодом командире.

Говоря о мягкотелости, хочется коснуться ещё одного вопроса. Воспитанию невинности уделяемо у нас как будто бы достаточно внимания. И всё-таки не все наши молодые люди приобщены этим сознанием до конца. Их невинность к врагу недостаточно стойка и, если можно так выразиться, недостаточно багательна.

Мне же раз приходится наблюдать такие картины. В бою молодой воин проявляет беспомощную, простую невинность к врагу. Но стоит немцу слезаться в плен и сложить оружие, как враг начинают считать чуть ли не своим, укладывают по плечу, не слишком внимательно следят за ним. И бываю случаи, когда танк «завой» фран, воспользовавшись доверием, уберёт.

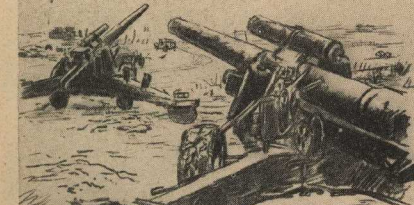
Добр русский человек, добр и доверчив. Помню, как на Сталинградском фронте, под куратор Мамонтова, финские молодые отчаянно обороняли одну высоту. Мы всё-таки захватили её и вывели немцев в плен несмотря на боевое сопротивление. И вот молодчики, брошенные в нас гранатами с расстояния двух—трёх метров, стали бормотать «Гитлер капут» и вообще делать вид, что спячат. Кто-то из наших войск бойцов, повидимому, померзает, что гитлеровцы, подпада тому издбу безжалостно убивавшие наших товарищей, больше не представляют никакой опасности. Надзор был ослаблен, и один из пленных бежал.

Надо добиться того, чтобы в сознание нашего молодого бойца врезалась мысль: гитлеровец остаётся врагом и тогда, когда он обезоружен, враг коварен и хитер, он может обмануть.

Памятная и стойкая невинность на войне — великое дело. Чёткое и моментальное исполнение приказа, полное подчинение воле командира в сочетании с сознательностью, смекалкой и умением, физическим и моральным закалка, чёткость и самоконтроль должны стать отличительными качествами каждого нашего молодого бойца.

Эти качества втройне необходимы сейчас, когда стремительность, общающаяся смелость и неустойчивость решают нашу победу.

Дорога наступления

После наступления, немцы бросили свои тяжёлые орудия, извергнувшие смерть. Они были холодами и безжалостны, но наши бойцы повернули перла на запад — в орудия захваченной пинь.

На своей земле и зима нестрашна. Бойцы, обмороженные по пояс, мчатся ледяной водой на снегу.

ЗВЕЗДА НАД МИРОМ

Из поэмы «Пулковский меридиан»

Вера ИНБЕР

..Теперь в Европе Гитары воскресла
Все ужасе безомыленного рынка,
Где чешка, белоруска, украинка
Едва стоят, безомыльные, без сил,
А немка выбирает не спеша:
«Вот эта для работы хороша».

Сей сад был гордостью Санкт-Петербурга.
Дышако отпущены звучить дабы,
В нем были и могучие дубы,
Подобные великим кустам дуги.
И орхидей аскетском кисейным
Касались подогретого бассейна.

Была в теплицах неса разлита,
Дышако отпущены звенели,
И листья плавы, как лопасти винта,
Развертывались в африканском зное.
Старейшей было двести с лишним лет.
Она погибла. Пальмы больше нет.

В ту ночь полубезумный сплюнул,
Среди обломков, бортомат: «О боже!»
Он думал, что растение ожилет.
Илазия! Ништо из них не ожил.
Под грузами железа и стекла
Все вражеская бомба потрелла.

Но позже, в запущеные нежлом,
Когда мороз не пощадил ни травки,
Когда к эвакуации, к отправке,
Готов был роз воздушный эшелон,
Сотрудники решали: «Нет, не надо.
Мы сохраним их здесь для Ленинграда».

Не странно ли, что здесь, где мы стоим,
В пределах Ботанического сада,
По мертвым пальмам и живым распадам,
Под сводами, по авианым путям,
По клумбам, по газонам и градам
Прокходит Пулковский меридиан!

Послаudem за ним, читатель мой!
И я, как бы держась за этот обод,
Натянутый на полушар земной,
И неслучайно от меня, бож о бок,
Ты, мне давно сползнувший друг,
Стремительно мы спустился на юг.

На родину мою, в морскую осень.
Как бобки, дотерявшие вичуат,
Там волны бьются оземь,
Сельме досмы по песку вычит.
Там ненависть к ярну клубится штормом
И смерть ему готовит в море Черном.

Пройдем со мной, читатель, по Одессе..
Страдаец-чороз, где среди руин
Проклятый говор немцев и румын,
И их пинемал, сорце, как павесон;
Их сапоги, толочущие там
По недобитым детским черепам.

Румыния, германская холопка,
Когда ты устроилась изнуток
К себе домой, по кузурным тропкам,
Пусть кажная лист, как савельный
каминок,
К тебе вращает из зеленых ножен.
И никакое бегство не поможет.

Пусть камни, незлобивые дотоль,
Пойдут смертельным на тебя тараном.
И мосто родного мори соль,
Румыния, твои посылает раны,
Когда ты, измалка на бегу,
Падешь на черноморском берегу.

Но дальше, дальше! Как он мне ни дорог,
Необозримый, аинни дуги
Он только точка, мой родимый город:
Земные расстояния велики.
Отчитывай градусы широт.
Вперед, мой друг, читатель мой, вперед!

Туда, в пролет меж Кибором и Родосом,
Бде немю повит меридиан,
Где мори Сосизменного жарен
Тутим он как бы стигивает гротом,
Туда, где берег над водой зорькальной
Кивает нам александрийской пальмой.

Культуру выжитали здесь кораном,
Искоренным знаменем креста.
Однако дальше, в нозные места!
Бедным Пулковским меридианом,
Уже мы расскажем напрямик,
Вдоль Нила, африканский материк.

Здесь широко прошал огонь и меч.
От их неистовства земля стонала,
И рокам кровя тесно было течь.
По сети оросительных каналов.
И навсегда остался не исчез,
В туземной глыбе огненный замес

Еще дымится кровью русский снег,
Еще растут союзников траншеи,
Но никогда свободный человек
Рабом не будет с биркою на шее!
Тулонские военные суда
Гремят, как трубы Страшного суда.

Но где мы? Что произошло, мой друг?
Мы были далеко от Ленинграда,
Мы облетали полями. И вдруг..
Оранжем смутная громада.
Мы вышли. Вечер. Первая звезда.
Нет, мы не олуачились никуда.

Луна уже отбрасывает тень.
Снежок ложит, как белая тетради,
Куда мы завтра впишем новый день.
Нет, нет, читатель мой, мы в Ленинграде.
Мы распространили вон у той больницы,
Где окна передельны в бойницах.

Мы в городе, где, раскося мред,
Взошла звезда семнадцатого года,
Где кузмицианы ед воскресю,
Где осенний ед самый стег
С бесмертных наших пулковских высот
Всем нациям и расам свет нест.

Нет в мире неми бозе человеческой,
Чем уничтожить порождение тмы.
Вот гуманизм. И гуманизм — мы!
Мы здесь, откуда озарит навечно
Звезда с ее сиянием пятиградным
Все триста шестидесят меридианов.

Натянутые на земную деку,
Они, как струны лиры, зявют
Согласно осязку Бельозеку.
Прославят Разум, Творчество и Труд.
И пальмовая ветвь, эмблема мира,
Проесят рокошную лиру.

Октябрь — декабрь 1942 года.
Ленинград.

Долина смерти

Золтан Вейнбергер

Неподалёку от Варшавы, в небольшой долине, обнесённой рядами проволочных заграждений, со сторожевыми башнями по углам, на которых устанавливались пулемёты, располагался лагерь для военнопленных. «Лагерь смерти» — с ужасом и содроганием называли его. За всей долиной сохранялось это название — «долина смерти».

В здании административного завода размещался лагерь стражи. Вокруг, в складских помещениях, а большей частью просто под открытым небом, располагались советские военнопленные. Их было более 4 тысяч красноармейцев, и обожжённых военнопленных подростков, и мужчин и в возрасте от 14 до 50 лет.

Фашисты свозили их в лагерь так, словно это были не люди, а картошки, которую некогда привозили на винокурный завод для производства спирта. Впрочем, и это сравнение не вела в одном вагоне. Когда фашистские стражи везли несколько дней пути открывали плотно закрытые вагоны, то чуть ли не в каждом из них оказывался умерше. За время пути люди умирали голодной смертью.

В лагере военнопленных начинали кормить. Но что это было за питание! Раз в три дня они получали по 80 граммов хлеба. По вечерам им давали 500 граммов гречки, вощиной бурды, которую лагерные называли супом. В этой жижи было заменено немного отрубей. Работе — плавали обрывки каучуковых листьев.

Когда из складов завода выгребли оставшийся с прошлого года совершенно гнивший картофель, то голодные люди набросились на него, выкашивая не совсем спящие картофелины и съедая их с сыром или понос. Результатом был повальный кровавый понос.

В лагере свирепствовали заразные болезни. Сотни пленных заболели сыпным тифом. Больных было столько, что они валялись полотною друг к другу. Умирающие зарывали живых, ещё здоровых. У людей не хватало сил, чтобы выкопать ямку для отарелания естественных потребностей.

Те, кого болели ещё не свалили с ног, пытались помочь своим больным товарищам. Но нельзя было даже достать воды, чтобы вымыть или помыть страдальцев. Для четверых с

лишним тысяч военнопленных вода доставлялась в одной бочке. Дождь был для лагеря восточным праздником. В это время даже больные вылезали из складских помещений, ложились на землю и жадно глотали капли дождя.

Больные гибли сотнями. Каждое утро стражники, обходя склады, уносили на тачках умерших и складывали в ров штабелями. Ров, длиной в несколько метров, заканчивали, только довернув наповал покойникам.

Этим способом пробавали пользоваться племенные для прога. Несколько человек пригиторились мёртвыми, и их вместе с мёртвыми вывели в ров, где залыли свежим раствором газовой ядовитости. Теряя последние мучения от извещения, сжигавшей кожу, они молчали, чтобы хоть такой дорогой ценой бежать из лагеря смерти.

Как-то фашисты узнали об этом способе и с тех пор стали для контроля проврать вбитком сердце умершего.

Однажды в лагере началось несчастье. Военнопленные стали выдвигать каждые два дня по ложку хлеба. В водянштом супе появились даёе горки. Начальство пообещало прислать врача и медикаменты.

Военнопленные ломали голову: в чём дело? Всё разъяснилось, когда переводчик, собрав население лагеря, объявил, что Красная Армия сложила оружие. Он сказал, что начался перемирие о мире. Ввиду этого все, кто хочет поступить на службу к немцам, освобождаются от присяги, данной комиссарам. А тем, кто добровольно запишет на работу в Германию или войдёт добровольно воевать с партизанами, немцы дадут султан золотые горы.

Кто же победит в немцах?

На повторный вопрос явился ещё раз человек. Трое из них записались на работу в Германию. Двое согласились стать жандармами.

Начальник лагеря был взбешён результатами. Он начал угрожать.

Но тысячи измученных, голодных людей стояли молча. За исключением жалкой кучки предателей никто не хотел служить немцам.

Так пленные прождали весь день. Вечером их распущали. Но в этот раз никому из них не дали ни хлеба, ни супа, ни даже воды.

На другое утро военнопленных снова выстроили перед начальником. В положении спирию люди стояли часами. То один, то другой падал без сил. Фашисты набрасывались на урващего, избивая прикладами и дубинками. Многим стражники проломали череп.

Всю ответственность за жалкие результаты первоочередной кампания начальник лагеря приписал коммунистам, комсомольцам и главным образом комиссарам. Но начальник лагеря не знал: кто же из военнопленных коммунист или комсомолец? Начальник дал лагерю одну ночь на размышление. Если на следующее утро лагерь не выведет комиссаров, коммунистов и комсомольцев, каждый десятый пленный будет расстрелян.

Догод тнулась эта мучительная ночь. Второй день никто не получал ни еды, ни питья. Над лагерем нависла холодная тень смерти. Но, слышная страданиям, людя презрительно смеял пощур.

Наутро снова выстроили военнопленных. Как и вчера, перед ними стояли начальники лагеря и переводчик, кругом толпились вооружённые пулемётами и автоматами фашисты.

Переводчик повторил вчерашнее предложение. Тот, кто победит на войне, ни еды, ни питья. Но, слышная страданиям, людя презрительно смеял пощур.

Ни одного!

И в тот же день фашисты расстреляли каждого десятого — двести пятьдесят человек.

Жизнь в «долине смерти» стала совсем невыносимой. Военнопленные теперь давали по ложке хлеба раз в три дня. Но хлеба стала ещё жидче. От страшного голода, от мучительных болезней военнопленные так ослабли, что у них уже не хватало сил убирать покойников. Ждали смерти среди трупов.

Многие сошли с ума.

Лагерь не мог больше перенести подобных мучений и страданий. Военнопленные всё раз пытались бежать. Но у них не было сил бежать, и фашисты косяки из пулемётов тех, кто пытался штурвовать проволочные заграждения.

Эта безразытнательная попытка к бегству была последним проявлением массовой активности в «долине смерти». Теперь перед всеми был один вопрос: куда кощеть? И кощеть, так же, скорее, чем раньше. В лагерь вспыхнула эпидемия чумы. Заболели несколько коммунистов. Всю немецкую охрану сейчас же возло-аркеже чем удалялись, фашисты перестраляли всех военнопленных без исключения. Они убили тех, кто был здоров, кто пытно пытался выбраться из трупов мёртвых тел.

Потом фашисты покинули лагерь вместе с трупами.

Вспыхнула ярким пламенем, винокурный завод сгорел дотла. Сгорели склады и всё шомнившее о том, что ещё не так давно более четырёх тысяч советских людей томилось здесь.

В «долине смерти» впервые понарилось полное спокойствие, как на кладбище.

Немцы избегают это страшное место. Они говорят, что там бродят привидения. Немцы выкапывают пришедшим дух мертвых.

Дух места бродит над «долиной смерти», чернеющей обгорелыми трупами четырёх тысяч невинных советских людей. Дух места бродит над сожжёнными городками, разрушенными поселениями, полными сражений.

Товарищ боев, мети за янд Мети на всех Мети! Мети военнопленных варшавского «лагеря смерти».

О Т О М С Т И !

Посмотри на этот синюк, молодой боев! Вот что сделали немские изверги к советским людям! Посмотри на этот синюк, и пусть сердце твоё зажгётся огнём неугасимой ненависти к врагу, пусть руки твои не устанут разить немца-изверг!

МОИ ДРУЗЬЯ

С. ГУДЗЕНКО
Сапёр

Всю ночь
по ледяному насту,
по чёрным поляным рекам
шли за сапёром коренастым
обозы, танки и пошки.
Их вёл на запад
по просекам
простой,
спокойный человек.
Пригнувшись, смотрел на снег
и мины находил под сугробом.
Он шёл всю ночь.
Вставал из лога
рассвет, в пороховом дыму.
...Настанет мир.
На всех дорогах
поставят памятник ему.

Подрывник

К рассвету точки засекут,
а днём начнётся наступление...
Но есть стратегия секунд,
и есть секундные сражения.
И то, что может сделать он
И то (пятидесятитри килограммов),
не в силах целая батарея,
пусть даже смелых и упремых.
Он в риске понижает толк.
Уверенно, с лисью упорством
вступает он в единоборство
с полком — и разбивает полк.
И распекаются мины,
и падают в густые травы,
обламывая кусты,
на фронт идущие составы.
И в рессах, согнутых улиткой,
опражена его улыбка.

Ветром победы, ветром ясным
снова марш палача.
Стали за время
большой войны
мужественней сердца,
руки крепче,
весомей слова,
и многое стало ясней.
...А ты попрощею неправу:
И всё-таки стала ножей.

Вот она, артиллерия!

Лейтенант Ф. СПИВАК

2. ЕЁ НАУКА

Много человеческих знаний вытисывает в себя артиллерия: астрономию и метеорологию, геологию и географию, механику и всеобщую физику математику. Особенно много в нашей деле математики. Каждая стрельба органически вытекает из решения тригонометрических определений углов.

В артиллерию принята даже специальная единица измерения углов, которую мы называем «тысячной». Разделите окружность на шесть тысяч равных частей, и вы получите такую единицу.

...На дорогах войны случай, бываю же, стою как ас с кем-нибудь из моих друзей.

— Не слышали ли, где тут деревня под названием «Гусиные Шейки»? — спрашивает вы.

И этакий плотный, розовый Вася Птенчиков, улыбаясь, отвечает вам тоном зыбко:

— Как не слышать! Вы на горе изюма чернеют — она и будет.

— Э, да тут уж недалеко: небось, километра полтора — два, как думаете?

Вася Птенчиков солидно помолчит, привычным движением поведет в карман, словно за часами, достанет замкнутую спичечную коробку, посмотрит сквозь неё вдаль и авторитетно доложит:

— С этого места осталось вам до Гусиных Шеек один-в-один две тысячи пятьсот двадцать метров.

Вы поблагодарите Васю за столь точную справку и отправитесь дальше.

«Острые», — скажете вы себе. — Слово это ему походит, что дорогу до Гусиных Шеек можно измерять спичечной коробкой!»

Но не такой мой друг Вася Птенчиков, чтоб шутить над незнакомым путником. В его руках, да и в руках любого артиллериста, знают нечто свойство «тысячной», даже спичечная коробка и карандаш становятся прибором, позволяющим очень точно определить расстояние до любого предмета на местности.

Много ещё чудесных качеств у нашей «тысячной».

Выдали ли вы артиллерийский бинокль? На стёклах его — шкала «тысячных», и это делит обычный полевой бинокль бесценным прибором для артиллериста, вечным его спутником в бою. Стоит лишь заметить на шкале, сколько тысячных укладывается между разрывом и

целью, и вы тем самым определили угол отклонения, и вы командуете на батарее:

— Прявее один-двадцать. Огонь!

Не думайте, однако, что снаряд сразу же ляжет там, где вы этого ждёте. Пристрелка цели требует навыка артиллерийского мастера, и потому бинокль с «тысячными» будет полезным помощником лишь в руках очень опытных и умелых.

Да снаряды никогда не лягут в одну точку. Каждый из них встретит иную среду, иную скорость ветра, иную влажность воздуха, иное сопротивление, и каждый из них пойдёт по своему пути.

Есть в науке теория, которая математически предсказывает случайные события. Её называют теорией вероятности. Предположим, что в вашем доме триста жильцов. Сегодня утром вы пришли в ваш дом двадцать писем с фронта. Вы с нетерпением ждёте весточку от брата. И вот теория, о которой мы говорили, в каком цифре подсказает, каковы шансы или какая вероятность, что эту весточку вручат вам сегодня.

Теория вероятности целиком подчиняется артиллерийской стрельбе. Точное попадание первым же снарядом, говорит она, — невероятная случайность. Теория даёт вам математический прогноз — сколько нужно выпустить снарядов, чтобы один или два из них могли накрыть цель.

Но капитан Семушкин проповедовал мне новую теорию, рождённую войной.
— Никогда не шутя фраза огнём, а жгёт его сразу, — часто говаривал он. — Одно дело, когда снаряды твои рухнут то там, то здесь, и неведь чувствуешь, что ты пристреливаешься, и совсем иное, когда первый же снаряд нежданно-негаданно врывается в самое сердце цели.

Капитан был творцом именно таких залётов. Он примечательно, выжидал, терпел лейтенанта Черепова, чтобы тот быстрее готовил координаты, с суровой выскальствительностью навешивал данные для стрельбы и влугу, поймав удобный момент, неосознанно командовал на батарее:

— Услонер двадцать четыре — двадцать. Прицел это да, Огонь!

И не требовал от пристреливаемых доверять, и не сжигало больше команд, и не было больше цели, потому что один снаряд сразу омонелизация живность стоит десяти снарядов.

Дорога наступления

Бесконечные колонны вливых итальянцев тянутся в тыл, на восток. Глядя на них и думаешь: «Ну и всякие!»

— Откуда такой красавец? — спросил я у кавказца, едущей с бочкой на санях, запряжённых мулом.
— Итальянец! — говорит она со смехом. — Они их тут поборосали, когда сами тылали отсюда.

Имя

Немецкого солдата

М. ЗОЩЕНКО

Между прочим, всех поразило одно обстоятельство. Ни раненых, ни убитых ям здесь не нашло. И только за деревней красовалась одна немецкая казка. И вот этой казке и посвящена повесть.
«Ганс Форд — 1 сент. 1942 г.»

Командир той батареи, которая была по этим местам, был в полном изумлении.

— Скажите, — говорит, — выпустили снарядов — и чтоб у них было только один убитый! Не может этого быть.

Стали мы подумывать над этим командиром.

— Слабо, — говорим, — стреляли. Только одного фрица к прототипам отстрелили.

Командир батареи лично обошёл весь район, но кроме одной этой могилы ничего не нашёл.

Подошёл он к этой могиле, задумался. После говорит:

— Бегу на себя ответственность. Приказываю разрыть эту могилу, чтоб посмотреть, что там такое.

Разрыли эту могилу. Видно, под одним крестом натащено множество немецких трупов.

Снова привели в порядок могилу. Снова поставили крест. Снова прочитали надписи: «Ганс Форд».

Командир батареи сказал:

— Всё понятно. Немцы и тут записывают вражбём. Они создают видимость отсутствия потерь. Так и запишем.

(Рассказал младший лейтенант С. М. Саченко.)

(Окончание очерка «Вот она, артиллерия!»)

Я никак не мог совместить в своём представлении эту библиотечную стрельбу с известной мне теорией вероятности, с теорией рассеивания, с десятками других факторов, определяющих поведение снаряда. Но в этом шло и скрывалась задача артиллерии наших дней. Несколько месяцев спустя я узнаю, что есть сила, способная покорить железную логику математики.

Это было в те дни, когда, прощая вражескую укрепленную полосу, группа наших войск с боями продвигалась на запад. Я в это время командовал ещё разведкой. Были со мной Василий Петрович и кто-то из санинструкторов. Мы спорожили последние последние части и, когда на пути высматривали вражеские огневые точки, засекли их и по проводу передавали координаты капитану Семенову. «Где-то вперед» лежал водный рубеж. Угроз его должны были форсировать наши танки и с хода ворваться в населенный пункт. Мы решили проникнуть в тыл и разведать переправу.

Река оказалась довольно широкой и быстрой. Мы видели уже совсем близко чёрные контуры моста, когда с дороги донёсся тяжёлый гул. Заведли. Мимо нас торопясь проносились дальние боевые артиллерийские орудия. У самого моста передний тягач глубоко чихнул и замер. Как муча облепая его явмы. Они ярчались, размазывали руками, вылетали, стремились вытащить орудие. И всего было, что как только они переправятся на противоположный берег, мост будет взорван.

Сообщил капитану координаты. Но пока он вызовёт огонь, пройдёт какой-то промежуток времени, а фрицы, то и глядя, вырвутся на мост. И я решил вызвать огонь сам. Я отдал команду снаряду, что обман дал такие данные на батарею, чтобы первый же снаряд непременно накрыл цель, иначе, пошука опасность, немцы успеют подорвать мост. Я отлично сознавал, что обман пойдёт в самую гущу столпившихся фрицев и их в каком-то смысле ждёт. Хотя до него оставалось шага три — четыре.

В эту минуту я всем своим внутренним почувствовал, что сверяю ложный цифр в расчёте. И вот, когда снаряд полёк, дождиком чухнул попарку. Огромным напряжением воли я заставляю лезь снаряд там, где он был нулевым.

На следующее с громком промчалась по мосту наша техника.

Наша слепая артиллерия была по немцам без перерыва. Четыре дня была так, что у них земля горела.

На рассвете 3 сентября мы пошли в атаку.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

Прорвали немецкую оборону и продвинулись вглубь не менее, как на семь километров.

ВСТАНЬ, НАША НЕНАВИСТЬ!

Гурев БОРИАН

(Из цикла «Стихи о мести»)

Стоит он бледный, горестно томим:

Родного дома тепла перед ним.

Заголоволавый кончик страны,

В его груди дышится войной.

Он видел кровь, ходил он под огнём,

Немецкий штык отбрасывая штыком,

Земля взрывалась, обжигая смерть,

Он не бледнее, хоть мог и умереть.

Он не бледнее, хоть мог и умереть.

Теперь он нем. Он слышит сердца стук.

Насторожился тишина вокруг.

Встань, земля воинственна, с бойком в строю!

Он в посылку влит молодость свою.

И опалённые над домом не шумят

Два топора, что в трауре estão?

Гуля скрепят чёрный ствол заряд,

И воин стомогит врагу в створот

Есть дад него в патронике заряд.

Две капли слез скатились по щекам —

Он обжигалось отравленным врагам.

Скатились слезы — кровети река —

На острие трёхгранного штыка.

И штыком огнём алмазным засверкал,

И штыком огнём невинности стал.

Порез он мосты, выхлудил из ножен,

Которой, враг, ты будешь уничтожен!

То сердца гнев стал кровью меча,

Что упадет на немца-врага!

Перевёл с армянского
Михаил АНДРИАСОВ

Суворов говорит:

Красноармейские поговорки

Назначают вас командиром

При этом Иванова 11 декабря 1940 года колонна Кутузова, которой были назначены первой роты в крепость, существовавшие в глубокой яме, скрутились, потому что высота его с валом превышала сорок четыре метра и лестницы оказались коротки. Суворов посылал сказать Кутузову:

— Назначают вас командиром крепости.

Кутузов велел передать это по всем полям и долинам:

— Видите, как Суворов и вас уверял. А он ещё никогда не ошибался. Вперёд!

Крепость была взята.

Пожалуйте на обед!

Уплетен однажды инструктор офицера, тытаново изминувшего расстояние для прохода в сапёрных работ, динные, запоздалого его в сапёрные, неогранично сиротили.

— А знаете ли, сколько расстояния до дум?

— Знаю, ваше сиятельство, — храбро ответил офицер, — А сколько же?

— Два суровских верста.

— Скажи издольный офицер.

Суворов отбыл на два шага, обернулся, поглядел ему в плечо и сказал:

— Спасибо, ваше благородие, иршую ко мне сегодня обедать.

Вот — Илья Муромец!

Послышал Суворов горластые вынесения русов, видно на того, что каждый раз, когда кто-либо погрешал против долга — был за того прощено, ядовитой, офицер или генерал — он одношаго укорял их:

— Ты не русский! Это не — русский!

Если же перед ним оправдывался, то он прибавлял:

— Непоки на деле, что ты русский!

По окончании одного сражения, когда генерал Леонидов прибыл с доносением о побед, Суворов с восторгом воскликнул:

— Вот леонид Он — русский Он — Илья Муромец Он — Ерусалим Лаврацкий Он — Добрыня Никитич! Побед, слава, честь русским!

Вы хорошо солдаты, вы русские!

Будучи деловым учёным Фаназийского полка, Суворов похваливал илдовити и велел ему:

— Недай скважи в штаб, чтоб был передела и другой полк. Не хочу с ними суживать. Они невозможны.

Потом был так удручён итани словами, что не захотел обедать. Тогда доложил об этом Суворову, «скажите мне — велел он — что и поделу до следующего развода.

На следующем учёном воле поновил себя батальон. Суворов благодарил всех и закончил:

— Вы мне друзья, вы хорошие солдаты, вы русские!

Послыла старая,
Новый конек:
И пуля — не дура,
И штык — молодец.

Русские клещи
Немецких хвостов.

Грамота народная —
Вещь благородная.

Привык незваным,
Уйдешь — драгом.

бе, а наших людей превратить в рабов.

В рассказе «Крик в ночи» Кожевиных удивно сказано о немцах — злонамеренных, алчных, наглых, когда сила на их стороне, и жалких, безбашенных, когда их постигает беда. «Крик» был на Фронт — пишет он, — тот знает, как ночью после боя... кричат раненые немецкие солдаты. Они воют как домашние животные, когда их режут. Слышать эти воли невыносимо.

Наш раненый русский боец пересовит страдания с молчаливым достоинством. Даже накануне смерти, когда человеку, в сущности, всё безразлично, боец борется за свою азимутскую гордость, стиснув зубы, вписывая пальцами в землю, и молчит.

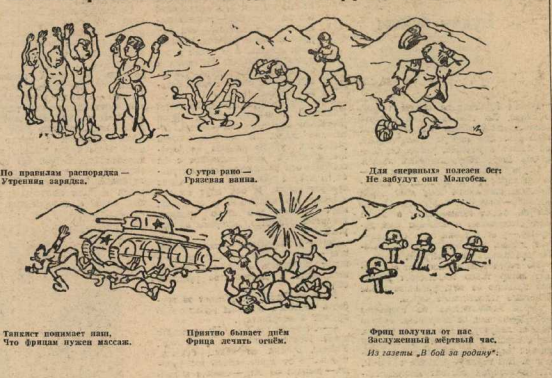
В этом контрасте сказывается всё различие между русскими и немцами; очевидно, воспоминание превосходства русских — залог и основа наших побед над врагом. Недаром в одном из своих произведений Великий пишет: «У всякого человека есть своя история, а в истории свои исторические моменты и его жизнь, и его бои, и его смерть. И чем выше человек, тем грандиознее его история, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее».

Но наиболее полно великую духовную силу русского человека Кожевиных раскрыл в повести «Март—апрель». Это — рассказчик, один из лучших произведений, появившихся в нашей литературе за время отечественной войны. Опубликованная по фронтовой печати в мае 1942 года повесть «Март—апрель» была одним из первых произведений, в центре которого стояло не простое описание событий, а исследование бытия во войне, его познание. — а раскрытие внутреннего мира, мысли, чувства, переживания советского воина. «Март—апрель» — произведение психологическое, образное, гениальное в постижении личности индивидуальной, со своим, личным, неповторимым своеобразием.

В грубом, резком, замкнутом капитале Жаворонкова застряла, как чужая душа. Ему пришлось пережить большое и непониманное горе: 22 июня 1941 года живущая в деревне женщина его жёна и её родители были разданы гусскими немецкими tanks. «Жанита стала своего рода... она не хотела, чтобы немцы... было истериком его бедствия». Он обманывал окружающих, делая вид, что жена его жива и здорова и он получает от неё письма.

Писатель ставит вопрос: в чём истинная несправедливость советских людей к советским узникам? И в чём несправедливость, которая льмлет нашим воинам, когда влетает в них сила для преодоления самых серьёзных препятствий, а после их преодоления только следствием личных волеизъявлений и утрат, понесённых в результате немецкого нашествия. Ненависть к советским людям к немцам имеет более глубокий смысл: она кроется в безграничной любви каждого русского человека к своей родине, к

Лечение физическими методами или фрицы на Кавказе

По приказам распорядка — Утренняя зарядка.

У утра рано — Утренняя ванна.

Для первых победен был Не забудут они Малагобу.

Тяжелее поимает нана, Что фрицки поимает немцам.

Принято бынует дуби Фрицки летать огнем.

Фриц поимает от нас Бесчужденная ивечная вас, Из газети «В бой за родную».

сеоному народу. И потому всякий низоизем, который пришла на нашу землю, чтобы осознать, её, является сие каждого из нас личным, смертельным врагом.

Многие сравнивают «Март—апрель» с рассказом Джека Лондона «Любовь к жизни». Те, кто думают так, глубоко заблуждаются. У Джека Лондона более сильный из двух его героев, охотников за золотом, в тяжёлую минуту не задумываясь, бросает своего безжалостного, умирающего товарища посреди безлюдных канальных просторов. Он уходит, не оборачиваясь на стоны и крики друга, с единственной мыслью — выжить самому и сохранить при себе залог своего будущего счастья — тяжёлый мешок золота, с которым он так и не расстанется до своей смерти. Полной противоположностью являются отважные Жаворонкова и Михайлов — герои Кожевиных, попавших в условия, несколько напоминающие те, которые описаны у Джека Лондона.

«Март—апрель» — это повесть о трогательной заботе друг о друге двух умирающих от истощения и ранений людей, их взаимном самоотречении и бескорыстной помощи. Это гимн высокому, прекращающему чужаству товарищества, чести и нерушимой дружбе.

И здесь хочется ещё раз возразить в парадоксы, которые проводятся между повестью Кожевиных и рассказом Джека Лондона. Что только вперед умирающих золотоискателей, что заставляло их двигаться до последней возможности, погнась с каким-то дьявольским, истерическим упорством? Название рассказа как будто само призвало

дать ответ на этот вопрос: любовь к жизни. «Как разумное существо», — пишет Лондон об одном из двух своих героев, — он больше не боролся. Гнал его вперед только инстинкт жизни, который не хотел умирать. Таким образом, единственной силой, двигавшей золотоискателя, было что и признаёт сам автор, было чисто биологическое чувство — жажда самосохранения.

Герои Кожевиных любят жизнь не меньше героев Джека Лондона. Но у них нечто более персепреленное и значительное, чем их личное пресупевание: это судьба родины. Раненый паритотик, с выходящей ногой, с тяжкими оковами на теле, истощённый голодом, совершенно обессиленный, всё же пролежает ползи с одной мыслью — выпрыгнуть заставе

«В сознании тяжело раненого паритотика была только одна мысль: добраться до того пункта, который указал ему командир, добраться то что бы то ни стало и может быть умереть на пути от истощения и терзающей его вечесеческой боли ожогов. Но всё, что оставалось в нём жилось, стремилось туда, вперед, с жалким упорством». Вле его истерическое стремление к сердцу той точки, на которую указал ему командир».

Те же мысли и чувства владели Жаворонковым и Михайловым, когда обнаружив врагом немцев, каждый из них предлагает покинуть своё место, чтобы, вызван на себя смертоносный груз наших бомбардировщиков, уничтожить находившийся на аэродроме аркасская самолётки.

Жаворонков и Михайловую удерж-

ся преодолеть множество нечеловеческих трудностей, пройти трудный путь испытаний и, выполнив задание командования, благополучно добраться в свою часть.

«Март—апрель» останется в нашей литературе повестью о воинах, красоте и стойкости, о мужской безжалостности аших оков, об их беззаветном патриотизме.

Эта короткая повесть убедительнее многих сотен иных странг говорит о том, почему мы победили, почему мы не можем не победить.

Следует за заключение сказать, что всё же, написанное Кожевиными, равноценно по своим достоинствам достижению в их творчестве, рассказам, сводящим к простому описанию какого-нибудь забавного случая, фронтового анекдота. В центре этих произведений стоит не человек, а факты, описание происшествий. «Гломы «Она саёра», «Концертный номер», «Надпись», «Ефронср о бессмертии», «Половина слона». Хорошо, что подобных рассказов у писателя в каждой новой его книжке становится всё меньше.

Вадим Кожевиный — молодой гениальный писатель. Большинство его героев — ровесники Октябрь или лопат, ещё дозревающие по возрасту. Именно потому для нас рассказы Кожевиных особенно ценны. Кожевиному удалось обогатить моральный облик молодого советского человека в дни войны, человека, в котором сохранились все лучшие черты русского народа и всё то новое, что привнесло им двадцатипятилетие советской власти — высокую гражданственность и смелую справедливость на земле — коммунистическую — мораль.

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТИНКИН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д-3-34-24.

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ШИМАН.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Д.133. Подписано и печатно 27/III—43 г. Изд. № 232. Формат 21x110 см. 2 п. л. Зн. и л. 98 000.

Зак. 031. Тираж 30 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.